Дж.Ревелли (Италия)

СТАРОСЛАВЯНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ СВЯТОГО ВЯЧЕСЛАВА ЧЕШСКОГО И ДРЕВНЕРУССКИЕ КНЯЖЕСКИЕ ЖИТИЯ*

Мучение святого Вячеслава, герцога Богемии, убитого братом Болеславом в 929 дениягоду, пользовалось литературной известностью в славянских странах, в Германии и в Италии, как свидетельствуют произве на латинском[1] и на славянском языках[2], посвященные этому событию.

До 1096-го года, когда была введена папская булла Григория VII, сосуществование латинского и славянского языков на протяжении X и XI вв. в Богемии подтверждается и в памятниках агиографической средневековой литературы, рассказывающих о страданиях Вячеслава. Первое из этих произведений на старославянском языке, названное в прошлом веке *Первой старославянской легендой о святом Вячеславе*, или *Востоковской легендой*[3], дошло до нас в кириллических списках, которые сохранились только в России[4], а также в глаголических списках (XIV и XV вв.), находящихся в библиотеках Хорватии, Словении и Ватикана[5].

Passia sancti Venzesiavi martyris[6], сочиненная на основе *Первой старославянской легенды* приблизительно в 980 г. Мантуанским епископом Гумпольдом[7] по велению императора Оттона II, нам известна в старославянском переложении как *Вторая старославянская легенда о св. Вячеславе*. Этот текст также носит название *Легенда Никольского*[8], по имени открывателя этого литературного памятника, дошедшего до нас лишь в двух довольно поздних (XV–XVI вв.) кириллических списках, которые хранятся в Петербурге. *Легенду Никольского* нельзя считать переводом *Легенды Гумпольда*, потому что с восьмой главы старославянский текст содержит, по сравнению с латинским, частые и существенные обновления, которые не всегда имеют соответствия ни в *Crescente Fide*[9], ни в

* В данной статье развертывается исследования самого автора «Le Leggende di san Venceslao e lo Skazanie o Borise i Glebe: alcune considerazioni sui rapporti agiografici medioevali». Contributi Italiani all VI congresso Internazionale degli Slevisti. (Bratislava 30/X–8/IV–1993) // Ricerche Slavistiche, vol. XXXIX–XL, Roma 1993, 209–247.

Legende Кристиана[10]. Никольский, который проделал тщательное текстуальное сравнение этих трех произведений, пришел к заключению, что эти изменения не должны восприниматься как вольности переводчика славянского текста и что они якобы происходят от одного текста переделки *Легенды Гумпольда*, который был утрачен[11]. *Легенды* о святом Вячеславе и другие произведения древнего Моравского-Богемского происхождения, такие как *Житие* Мефодия, дошедшие до нас в списках, сохранившихся в России и на Украине[12], являются только отблеском тесных политических и культурных отношений, имевших место между западными славянами, особенно чехоморавскими, и восточными славянами Киевской Руси, начиная с эпохи святого Владимира и кончая одиннадцатым веком. Богемия являлась связующим звеном между Киевской Русью и средневековой литературной традицией Западной Европы[13].

Агиографические произведения, посвященные страданиям святого Вячеслава и святой Людмилы, были, несомненно, хорошо известны в Киевской Руси, и культ богемского мученика существовал уже в XI веке, как явствует из *Пролога*, включенного в Минею Новгородского сборника, 1095—1097 годов[14]. Но политические и культурные отношения были взаимно направленными. В Сазавском монастыре был освящен алтарь в честь Бориса и Глеба, убитых в 1015 году[15]. Не случайно в *Сказании о Борисе и Глебе* Борис в ночь перед своим убийством упоминает именно о страстях святого Вячеслава, убитого, как и он, братом: «Помышляшеть же мучение и страсть святого мученика Никиты и святаго Вячеслава подобно же семоу бывъшю оубиению»[16].

В этом особенном политико-культурном контексте такое упоминание не могло быть ни случайностью, ни лишь обработанной цитатой. До сих пор ученые, особенно Д.Чижевский[17] и Н.К.Гудзий[18], отмечали наличие повествовательных схем *Легенды* Гумпольда в композиционной структуре двух агиографических произведений, приписываемых Нестору,— *Чтения о Борисе и Глебе* и *Жития Феодосия Печерского*,— но категорически отрицали всякую литературную связь со *Сказанием*, считая это произведение чрезвычайно оригинальным и чуждым всякому агиографическому канону. Совершенно другого мнения придерживался Н.Н.Никольский, который писал: «До настоящего времени была уверенность, что автор *Сказания* разумел так называемое *Востоковское житие св. Вячеслава*. Но с одинаковым правом можно предположить, что *Сказание* о русских мучениках имело в виду и *Легенду Гумпольда*»[19]. Но, к сожалению, он ничего больше не добавил. В том, что касается литературного цикла о Борисе и Глебе, особенно интересными являются исследования Н.Н.Ильина, сравнившего отрывки *Сказания* с *Кристиановой Легендой о святом Вячеславе*[20]. Но, по мнению Н.К.Гудзия, примеры, приведенные Н.Н.Ильиным,

обусловлены только использованием общей словесной агиографической фразеологии, а не непосредственным знанием произведений богемского автора.

Несомненно, в разработке *Житий* своих первых святых киевские книжники подчинялись определенным композиционным правилам, литературному этикету[21] и пользовались общими агиографическими штампами, но некоторая стилистическая и тематическая близость могла вытекать только из прямого знания древнерусскими книжниками литературных памятников латино-чешского происхождения.

Если мы примем во внимание повествовательную схему произведений, посвященных святому Вячеславу, а также Борису и Глебу, нетрудно будет выделить в них некоторые композиционные единицы, названные в одной моей работе на эту тему *идеологическими константами*[22].

Можно утверждать, что *Легенды* о святом Вячеславе выражают мировоззрение высших сословий рыцарского общества и духовной иерархии Святой Римской западной Империи и что через эти литературные памятники подобные воззрения воспринимались и распространялись и на Руси. Поэтому *идеологическими константами* я назвала те композиционные единицы, с помощью которых восхвалялись качества святого в литературных памятниках чешского происхождения, в произведениях, посвященных Борису и Глебу, и в других княжеских житиях. Вот идеологические константы, которые можно в них выделить:

a) *идеал христианского государя*, преданного вере и Церкви; b) *восхваление происхождения святого; c) новый интерес к культуре и красноречию*: святой почти всегда очень образован; d) *святой занимает высокий пост* или в обществе (князь или герцог), или в церковной иерархии (епископ или настоятель); e) *святой — утешитель страдающих*, благодетель бедных и беззащитных людей; f) *переоценка внешнего облика и физической силы*: святой описывается как человек красивой наружности и внушительного вида; g) *дьявол подстрекает человека ко злу;* h) *восхваление страданий или смерти святого;* i) *наказание божье для убийц;* l) *сказание о чудесах*.

a) **идеал христианского государя**, преданного вере и Церкви.

Произведения литературного цикла, посвященного святому Вячеславу, несмотря на обновление сюжетов, формально могут быть включены в основные каноны средневековой латинской агиографии, в которой такие мирские идеалы, как власть, авторитетность, знания больше не считались a priori отрицательными ценностями, от которых надо было вообще отказаться без промедления, как происходило с первыми святыми и христианскими аскетами, воспринимавшими мирские идеалы как препятствия на пути к вечной жизни.

В феодальную эпоху образ христианского государя — это константа, которая встречается в агиографических и летописных произведениях разных народов Западной и Восточной Европы. Государи и знатные сословия оказывали непосредственную поддержку Церкви щедрыми пожертвованиями и завещаниями, воздвигая храмы и основывая богатые монастыри. Образ христианского государя, который управляет государством с согласия церковной иерархии, уже существует в литературных мораво-богемских произведениях и в произведениях Киевской Руси XI—XII вв. В литературных памятниках о святом Вячеславе и в древнерусских княжеских житиях этот идеальный образ олицетворяют чешские герцоги Спытигнев и его брат Вратислав, отец Вячеслава, Вячеслав и киевские князья Владимир, Ярослав, Владимир Мономах, Александр Невский[23] и Дмитрий Иванович Донской[24]. Эти образы являются стилизованными и агиографическими, им приписываются одни и те же доблести и одни те же поступки: они добровольно подчиняются церковным правилам, воздвигают храмы и основывают богатые монастыри.

b) **восхваление святого знатного происхождения.**

Для того чтобы прославлять святого, агиограф обычно восхваляет его самых близких предков. *Легенда Гумпольда* превозносит Спытигнева и Вратислава, а *Легенда Никольского* упоминает даже отца их Борживоя (с. 12).

В *Востоковской Легенде* Вратислав описывается такими словами («Се нынѣ сбыстьса пророческое слово еже глаголаше Господь нашъ Іисусъ Христосъ... Бѣ же князь великъ славою, в Чехахъ живыи именемъ Воротислав и жена его Дорогомирь. Родиста же сына первенца (с. 40—41)[25]), какими в *Сказании о Борисе и Глебе* описываются и восхваляются славные деяния и духовные достоинства Владимира: «Родъ правыихъ благословить ся *рече пророкъ* и сѣмя ихъ въ благословлении будеть. Сице оубо бысть малъмь преже сихъ *сущю самодрьжьцю вьсеи роусьскыи земли Владимироу сыноу Святославлю внукоу же Игоревоу*. Иже и святымъ крещениемь вьсю просвѣти сию землю роусскоу. Прочая же его добродѣтели инде съкажемъ нынѣ же нѣсть время» (с. 112).

Житие Александра Невского: «Сьй бѣ князь Александр родися от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка князя великаго Ярослава и от матери Феодосии. *Яко же рече Исайя пророк: "Тако глаголет Господь: "Князя азъ учиняю, священии бо суть, и азъ вожю я". Воистинну бо без божия повеления не* бѣ княжение его» (с. 426).

Слово о житии Дмитрия Донского: «Сий убо князь Дмитрий родися от благороднy и честну родителю — сынъ князя Ивана Ивановича и матере великые княгини Александры. *Внук же бысть православнаго князя Ивана Даниловича, събрателя Руской*

земли, корене святого и Богом насаженаго саду, отрасль благоплодна и цвѣт прекрасный царя Володимера, новаго Константина, крестившаго землю рускую, сродник же бысть новую чудотворцю Бориса и Глѣба» (с. 208).

c) **новый интерес к культуре и красноречию:** святой почти всегда очень образован.

Во всех произведениях, посвященных Вячеславу, мы читаем, что юноша был направлен отцом в Будец, чтобы изучить все науки, в то время доступные. Он хорошо ориентировался в греческих и латинских книгах, не говоря уже о славянских, и отлично знал псалмы.

В произведениях, посвященных Борису и Глебу, только *Чтение* уделяет внимание образованию двух князей и рассказывает, что в детстве Борис читал весь день и его брат Глеб его слушал с покорностью. В *Сказании*, наоборот, эта тема не затрагивается, может быть, потому, что в начале произведения Борис был уже князем Ростовским и имел в своем распоряжении отцовское войско, а Глеб был уже князем Муромским. В главе, названной «О Борисѣ. Как бѣ възъръмъ», мы читаем, что Борис был «...въ ратьхъ храбъръ въ съвѣтѣхъ моудръ. И разоумьнъ при вьсемь. И благодать божия цвѣтяаше на немь» (с. 423). И из контекста произведения ясно, что они были для того времени весьма образованны, потому что агиограф часто вставляет в их уста цитаты из священных книг и заставляет их произносить сложные философско-религиозные монологи. То же самое происходит в *Житии Александра Невского*: «И дал бѣ ему Бог премудрость Соломоню» (с. 426), а в *Слове о житии Дмитрия Донского* просто написано: «Въспитан же бысть въ благочестьи и въ славѣ съ всяцѣм наказанием духовнымъ, и от самѣх пеленъ Бога възлюби» (с. 208).

d) **святой занимает высокий пост** или в обществе (князь или герцог), или в церковной иерархии (епископ или настоятель).

Можно установить, что с седьмого века и далее в агиографических произведениях святой является все чаще знатным человеком (nobilis), потому что эти произведения главным образом были обращены не к простому народу, а к знатным сословиям, которые должны были укрепить свою христианскую веру[27].

И в богемской и в киевской среде первые национальные святые были членами царствующей семьи: Людмила — жена богемского герцога Борживоя, Вячеслав — их внук и законный наследник. То же самое произошло на Руси: княгиня Ольга была супругой Игоря, киевского князя, Владимир Креститель — их внук и законный наследник, отец Бориса и Глеба, которые стали первыми русскими святыми, и их «сородники» — Александр Невский и Дмитрий Донской. В последующих веках были причислены к лику святых Адальберт, епископ Пражский, Прокоп, основатель Сазавского

монастыря, Феодосий, настоятель Печерского монастыря в Киеве, Сергий Радонежский, митрополит Алексей и другие.

e) **святой — утешитель** страждущих, **благодетель** бедных и беззащитных людей.

И Вячеслав, и Владимир, и Борис и Глеб, и Адександр Невский, и Дмитрий Донской беспрерывно восхвалялись, потому что они отличались доблестным благородством и справедливостью: они не только отдавали беднякам часть своих имений, но утешали их в трудностях и в бедах и, как средневековые рыцари, защищали их от несправедливости и от злоупотреблений сильных. Они действительно не только искренне верующие, но и справедливые князья, которые соблюдают закон, оставаясь всегда справедливыми и великодушными. В *Востоковской легенде о святом Вячеславе*: «Не токмо же книги оумѣяше: но вѣру свершая, всемъ оубогимъ добра творяше. Бѣдныя напиташе и одѣваше по евангельскому оученію. Больныя рабы питаше, вдовицъ не дадяше обидѣти. Люди вся убогыя и богатыя миловаше, церкви вся златомъ украси» (с. 43). В *Легенде Гумпольда* как и в *Легенде Никольского*: «И не оубогии прегрѣшенiи без мьзды избавитель от погоублениа, и къ всякои моуцѣ поганьстѣи къ осуженію инъ бывааше къ тому не пристаяше, нравомъ чiстотѣ смотря, благимъ посулением окрестъ сильныхъ и не ленивъ» (с. 16, 18). Такие доблести в *Чтении* приписываются и князю Владимиру: «Бяше бо (Глѣбъ) яко же и преже рѣкохъ, дѣтескъ тѣламъ, а умъ старъ. Многу же милостыню творя нищимъ и вдовицямъ и сиротамъ. Бѣ бо и отецъ его тако милостивъ, яко же и на возѣхъ возити брашно по граду... (с. 620). Блаженыи же Борисъ много пѡказа милосьрдие во области своеи, не точью же къ убогимъ, нъ и къ всимъ людемъ. Яко же всимъ чюдитися милосердию его и кротости. Бѣ бо блаженыи кротокъ и смиренъ» (с. 627), а в *Скавании* о Борисе: «...такъ бо бѣ блаженыи тъ, правьдивъ и щедръ тихъ крътъкъ съмѣренъ, всѣхъ милоуѕ и вься набъдя» (с. 176). Подобные духовные качества приписываются и Александру Невскому: «О таковых бо рече Исаия пророкъ: "Князь благъ въ странах-тихъ, уветливъ, кротокъ, смѣренъ" ...сиротѣ и вдовици въправду судяй» (с. 436). И в Слове о *житии Дмитрия Донского* великий князь восхваляется за его духовные доблести: «мудр и заботлив; око слѣпым, нога хромымъ, стлѣпъ и стражь, и мѣрило известно, къ съвѣту правя подвластныа, от вышняго промысла» (с. 214).

f) **переоценка внешнего образа и физической силы**: святой описывается как человек красивой наружности и внушительного вида[28].

В *Востоковской Легенде* Вячеслав прямо не восхваляется за свою красоту и физическую силу, но подчеркивается, что юноша вырос под Божьим покровительством и уточняется, что, как храб-

рый рыцарь своего времени, в ночь, предшествующую убийству, он участвовал в турнире. В *Легенде Гумпольда*, наоборот, Вячеслав постоянно и многократно восхваляется и за физическую силу, и за моральную чистоту (с. 35—36), а в *Легенде Никольского* похвала телесным доблестям Вячеслава значительно сокращена. В *Сказании* красота главных героев тоже приобретает особое значение. Когда Борис на пути в Киев получает сообщение о смерти отца, он оплакивает любимого родственника, упоминая о его высоких моральных и интеллектуальных достоинствах, а также и о его *телесной красоте*: «Оувы мне свѣте очию моею, сияние и заре лица моего... Како заиде свѣте мои не сущу ми ту. Да быхъ понѣ самъ чьстное твое тѣло своима рукама съпряталъ и гробу предалъ. Нъ то ни понесохъ *красоты мужьства тѣла* твоего. Ни съподобленъ быхъ цѣловати добролѣпныхъ твоихъ сѣдинъ» (с. 142—147). Почти теми же риторическими приемами и выражениями восхваляются во многих местах *Сказания* моральные доблести и телесные качества Бориса: «Идыи же поутьмь помышляаше *о красотѣ и о добротѣ телесе своего*. И сльзами разливааше ся вьсь. И хотя оудрьжати ся и не можааше. И вси зьряще его тако плакааше ся о доброродьнѣмь тѣлѣ. И чьстынѣмь разоумѣ въздраста его» (с. 170) В *Чтении*, однако, о внешнем облике Бориса и Глеба не говорится напрямую, но их красота просматривается в преувеличенных восхвалениях, им посвященных, и в риторических приемах. Особенно подчеркивается храбрость Бориса, слава о которой одна обратила в бегство печенегов, нападавших в то время на Русскую землю. В *Повести об Александре Невском* мы читаем: «Но и взор его паче инех человек, и глас его — акы труба в народе, лице же его — акы лице Иосифа, иже бѣ поставил его египетский царь втораго царя в Египте, сила де бѣ его — часть от силы Самсона».

g) дьявол подстрекает человека ко злу.

В Легендах святого Вячеслава и в киевской агиографии XI—XII вв. мы неоднократно читаем: «диаволь вниде в сердце человѣка». Таким образом дьявол подстрекает человека к мерзким преступлениям. В произведениях, посвященных Борису и Глебу, демоническое присутствие не носит того раздражающего, одержимого, постоянного и разнообразного характера, который, однако, встречается в восточной и в латинской агиографии первых веков христианства[29]. В этих произведениях дьявол не смеет нападать прямо на святого (Бориса или Вячеслава), но использует грешные мысли, которые уже обитают в душе находящихся рядом с ними людей для того, чтобы препятствовать их добрым делам и затруднять таким образом торжество добра[30]. В центре религиозного средневекового воззрения, которое просматривается в *Легендах* о святом Вячеславе и в Киевской агиографии XI—XII вв., стоит противопоставление добра и зла, святого и грешника, дьявола и ангелов. Если дьявол

хочет зла человеку, ангелы, наоборот, его подталкивают к благу и вечному спасению[31]. *Востоковская легенда: «Тогда дьяволъ вниде въ сердце злыхъ свѣтникъ* его яко же иногда въ Іюду предателя» (с. 43). В *Легенде Гумпольда:* «15) frater eius Bolezlav aetate minor, mentis perversitate et actuum qualitate execrandus *diabolica tactu instinctus*, furoris nequitia contra virum dei saevienter armatus, regni fraterna manu rapiendi cupidus» (с. 41–42). Затем: «...ipsius fratris invidia magis magisque, *diabola fomitem* praebente, accenditur» (с. 46). В *Легенде Никольского*: «Тогда же брать его Болеславъ вѣкомъ мнїи оумомъ кривостїю и дѣлы, ревностїю мерзокъ *дїаволь-скимъ косьновенїемъ пострекъновенъ*, гнѣвомъ злобы противоу оумоу Божїю» (с. 40). В *Чтении о Борисе и Глебе:* Також и син блаженъ Романъ. Видя бо врагъ даную ему благодать от Бога, милосердие ко всѣмъ, не терпя *того врагъ влъзе въ брата ему старѣишаго* хотя тѣма восхватити животъ его отъ земля... Таче же того не терпя врагъ. нъ яко же преже рекохъ: *вниде въ сердьце брату* его, иже бы старѣи. Имѣя ему Святополкъ» (с. 627)

В *Сказании о Борисе и Глебе*: нъ ту абие *въниде въ срьдце его Сотона* и начаты и пострѣкати вящьша и горьша съдѣяти... (с. 271).

В *Слове о житии... Дмитрия Донского* человек изображается более уверенным в своих силах, и поэтому зло и злодеяния происходят только от порочности людей. Мамай, подстрекаемый лукавыми советники, иже христианску веру дрожахъ, а поганые дела творяху» (с. 210). Мамай и его войска олицетворяют силу зла, а лукавые советники заменяют в этом мире действия Дьявола-Шатания. Благо рпредставлено Дмитрием Донским и русскими князьями, защитниками земли русской и христианской веры.

ћ) восхваление мучения или смерти святого.

В агиографической литературе смерть святого составляет самый достославный и торжественный момент его жизни. По канону, он всегда умирает в состоянии душевного покоя, уповая на Бога, с твердой надеждой получить в небесном царстве вечную радость как вознаграждение за его страдания и за жизнь, прожитую в уважении божественных законов. Подобное душевное спокойствие характеризует и кончины Вячеслава, Бориса и Глеба, несмотря на то, что они пострадали от внезапной и насильственной смерти. В рассказах об убийствах трех князей можно заметить общую повествовательную схему, в которой выделяются следующие *повествовательные константы:*

а) Вячеслав, Борис и Глеб предупреждены о кровавых намерениях их братьев.

В *Востоковской легенде* Вячеславу «рекоша: хощеть тя убити» (с. 49). Борису также все известно в *Сказании*: «Бяше же ему и вѣсть о убиении его» (с. 215) и в *Чтении*: «И се нѣции, пришедше

къ блаженному, възвѣстиша, яко братъ твои хощеть тя погубити» (с. 627). То же самое происходит с Глебом.

b) Перед смертью *Борис и Вячеслав собираются читать заутреню*. Вячеслав «и ставъ пойде на заутреннюю». Борис в *Сказании* приказывает своему отроку «и вставъ начни заутреннюю» (с. 206), в *Чтении* «и повелъ прозвутеру отпѣти заутрьнью и свято еунгелие чисти» (с. 647)

c) *Умирая, князья не падают духом и на некоторое время им удается вырваться от убийц для того, чтобы обратиться к Богу.*

Вячеслав бежит к церкви («к церкви побѣже»), но он «прободен бысть мечем Тиры» и «пусти духъ свой глаголя: въ руцѣ твои, Господи предаю духъ мои!» (с. 50–51). И Борису, хотя он смертельно ранен, удалось выскочить из шатра. В *Чтении* он сразу же пронзен мечом. Он обращается к Богу с трогательной молитвой, которая кончается теми же словами, что произнес и Вячеслав: «яко ты еси защититель мои, Господи, и в руцѣ твои предаю духъ мои. (Се) же ему рекшю, единъ от губитель притекъ, удари въ сердце его» (с. 651). В *Сказании*, однако, Борис умоляет своих убийц предоставить ему время для молитвы: «мало ми время отданте, да понѣ помолюся Богу моему» (с. 242, 248, 255). Убийцы, застигнутые врасплох этой просьбой, оставили его, и святой может, таким образом, произнести прекрасную молитву Богу и отойти в лучший мир, как в греческой трагедии, оплаканный хором присутствующих. Та же повествовательная схема характеризует убийство Глеба: почувствовав, что он обречен, Глеб тоже просит убийц дать ему молиться к Богу перед смертью.

Несомненно, в рассказе об убийстве трех князей агиографы употребляли литературный прием эпического замедления, которое наблюдается довольно часто не только в народных песнях и в сказках, но и в литературных произведениях, чтобы перенести в будущее событие, теперь уже неизбежное, неотвратимое с начала повествования[32]. Благодаря этому приему, Вячеслав, Борис и Глеб, хотя и смертельно раненые, умирают, следовательно, как предусмотрено каноном, уповая только на Бога, и души их становится сопричастными вечной радости в небесах со святыми и ангелами. В *Востоковской легенде*: «Погребоша честное его тѣло, Вячеслава добраго и праведнаго владыку и Богочетца и христолюбца ...и Богъ покой его душю въ вѣчнѣмъ покоищи, съ всѣми избранными его ради безъ вины, идѣже вси праведнии почивають въ свѣтѣ животнемъ твоемъ, Господи» (с. 50–51). Подобные же слова мы читаем в *Легенде Гумпольда* и в *Легенде Никольского*, когда Бог благословляет святого Вячеслава, избавляя его от телесных ранений: «ą душа чистїиши от плотскаго заклепенина храмины толицими аввами извечена, моуками честною побѣдою, похвалами аггельсками роуками поятъ. Вышняго оущедрителя очима радостно видящи» (с. 54, 56).

В *Сказании о Борисе* сказано: «И абие усъпе, предавъ душю свою въ руцѣ Бога жива» (с. 255) и о Глебе: «И принесеся жьртва чиста Господеви и благовонна и възиде въ небесныя обители къ Господу и узрѣ желаемааго си брата и восприяста небесныя, его же и въжелѣста, и въздрадовастася радостию великою, неизреченною, юже и улучиста» (с. 334).

В *Чтении* о святом Борисе написано: «И тако блаженный Борисъ предсть душю в руцѣ Божии. ...Честное же тѣло его въземше, несоша въ градъ, нарицаемыи Вышегородъ» (с. 651). О святом Глебе сказано так: «...яко Ты еси, Господи, Спаситель мои. ... Си святому Глѣбу рекшю. ... И тако святыи Глѣбъ предасть душю свою въ руцѣ Божии» (с. 660). Не убийцы, а внезапная болезнь прервала жизнь князей Александра Невского и Дмитрия Донского, и поэтому их кончины описываются, исходя из традиционной летописной схемы, главными повествовательными константами которой являются: а) объявление о болезни князя или святого; б) духовная готовность к вечной жизни перед смертью умирающего князя (святого); в) кончина князя в совершенном душевном покое. В *Повести о житии Александра Невского* так упоминается о смерти князя: «Отец же его князь великий Александръ възвратися из Орды от царя... и дошед Городца, разболѣся... Пострада же Богови крепко, остави же земное царство и бысть мних, бѣ бо желание его паче мѣры аггельского образа. ...И так Богови дух свой предасть с миром мѣсяца ноября въ 14 день...» (с. 438). В *Слове о житии ... Дмитрия Донского*[33] о болезни великого московского князя говорится: «(Дмитрий Донской) и пакы впаде в большую болезнь, и стенание прииде к сердцю его, яко торгати внутреннимь его, и уже приближися к смерти душа его» (с. 216). Затем, после рассказа о последних завещательных распоряжениях князя, кончина Дмитрия Донского описывается такими словами: «И тако утвърдив златопечатную грамотою, и лобызав княгиню и дети своя... и благослови их, и пригнув руцѣ к персем, и тако и тако предасть святую свою и непорочную душу в руцѣ истиннаго Бога майа во 19, на память святого мученика Патрекиа. ...Тѣло же его честное на земли остася, а святая его душа въ небесныа кровы вселися» (с. 218). Но эти печальные рассказы о двух князьях снабжаются чудесными и удивительными событиями. В *Повести о житии Александра Невского читаем:* «Бысть же тогда дивно и памяти достоино. Егда убо положено бысть святое тело в раку, тогда Севастиян иконом и Кирилл Митрополит хотя розьяти емъ руку, да вложат ему грамоту душевную. Он же, акы жив сущи, распрострѣ руку свою и взят грамоту от рукы митрополита... И тако прослави Бог угодника своего» (с. 438)[34]. Но в *Слове о житии и о преставлении* восхваление смерти князя Дмитрия Донского описывается чудесным и удивительным событием: «...Егда же преставися благовѣрный и

христолюбивый, благородный князь Дмитрий Иванович всея Руси, *и просвѣтися лице его, яко ангелъ»* (с. 218).

i) наказание Божье для убийц.

Эта константа широко и многократко встречается и утверждается во всех этих произведениях. Только в *Востоковской легенде* Болеслав, братоубийца, избегает вечного наказания, потому что он раскаивается в своем страшном преступлении, признавая свою вину публично. И в знак искупления он посылает своих слуг, чтобы увезти тело Вячеслава из Болеславля, где герцог был убит три года тому назад. Произведение кончается рассказом о перенесении мощей Вячеслава в Прагу в церковь святого Вита, построенную по его велению. В *Легенде Гумпольда*, как и в других легендах, говорится о непосредственном Божьем наказании, которое пало на убийц, захваченных бесами, они не пережили намного свое преступление. В *Легенде Никольского* подчеркивается, что такой страшный конец выпал на долю не только посланцам, но и Болеславу, братоубийце, их доверителю, который, захваченный бесом, кончил свою злую жизнь полностью лишенный разума[35].

Божественное наказание, посланное на убийц Бориса и Глеба, приобретает двойное истолкование. В *Сказании* Сатана напал на Святополка, который, лишенный сил и разума, кончил свою жизнь в пустынной земле, отчаянно стараясь спасаться бегством со своими слугами (с. 360, 364). И из его могилы всегда будет исходить страшная вонь на показание всем князьям, для того чтобы отвратить их от братоубийственных войн (с. 367, 371). Святополк виновен не только в отвратительных преступлениях, совершенных из-за жадности, но он преступник еще и потому, что затеял братоубийственную войну против Ярослава, стремившегося отомстить брату за Бориса и Глеба, жестоко убитых. *В Слове о житии ... Дмитрия Донского* та же самая судьба постигла Мамая, напавшего на русскую землю: «И поможе Богъ князю Дмитрию, и сродници его, святая мученика Борис и Глѣбь; и окаянный Мамай от лица ого побѣже. Треклятый же Святополкъ в пропасть побѣже, а нечьстивый Мамай без вѣсти погыбе» (с. 212).

l) сказание о чудесах.

Власть божественной доблести проявляется в этом мире не через силу и могущество, а через чудеса (miracula), которые утверждают божественную святость. Господь проявляет благословление к своим верным слугам, после смерти которых появляются чудесные деяния для духовного спасения людей.

Именно так произошло с Вячеславом, которого не похоронили достойно, и с Борисом и Глебом, тела которых лежали заброшенными в пустынных местах. Однако по божественной воле удивительные события начали происходить на том месте, где лежали их тела. После торжественного перенесения мощей святого Вячеслава

в церковь святого Вита в Прагу и святых Бориса и Глеба в новую церковь на их могилах стали замечать славные чудеса (об этом см. мою отдельную работу). В *Сказании о Борисе и Глебе* такими словами восхваляются чудесные деяния двух святых: «Слѣпии прозирають. Хромии быстрѣе сьрны рищють. Сълоуции простьрение приемлють» (с. 390). И на могиле князя Александра Невского, сразу после его погребения во Владимире, начали происходить удивительные и чудесные события: «...Святое же его тело понесоша к граду Владимерю. Народи же сьгнатахъся, хотяще прикоснутися честнѣм одрѣ святого тѣла его... И оттолѣ начаша простиратися множайшаяся исцеления от блаженнаго и великого князя Александра с верою приходящим, слепым прозрение дарует, хромым хождение...»[36].

Сличением некоторых отрывков произведений, составляющих литературный цикл святого Вячеслава с *Житиями*, посвященными Борису и Глебу и русским князьям Александру Невскому и Дмитрию Донскому, мы старались в этой работе доказать, что тематические совпадения так же, как и сходные словесные выражения, существующие в этих произведениях, объясняются не только использованием агиографического стилистического средневекового запаса, но и тем, что киевские книжники были непосредственно знакомы с чешскими моделями. Здесь мы старались также привести доказательства существования одного особого композиционного клише, характерного для литературной разработки повествовательного материала агиографических и исторических произведений латинского средневековья, которое затем распространилось в Богемии и на Руси именно благодаря *Легендам о святом Вячеславе*. Это композиционное клише в соответствии со священным и богословским характерами литературного средневекового творчества распределяли содержание одного произведения таким образом, чтобы передать определенное *идеологическое* значение. Вследствие этого *общие композиционные единицы*, которые мы обнаружили, анализируя *тематические ключи*, названы *идеологическими константами*. Они являются составной частью одного литературного клише, которое распределяет по особой схеме словесные характеристики произведений, имеющих даже разную структуру.

В заключение можно сказать, что, благодаря литературным памятникам, посвященным Борису и Глебу, идеологические константы латинского средневековья, содержащиеся в *Житиях* святого Вячеслава и святой Людмилы, существовали и воспринимались на Руси еще в XII веке.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Monumenta Germeniae historica, Scriptores IV; edidit G.Peretz, Hannoverae, 1841, pp. 213—223; Fontes rerum Bohemicarum. I Vitae sanctorum. Fasc. I, v Praze, 1873, pp. 146—207; для обозначения этого издания в дальнейшем мы будем использовать сокращение F R B; Pekař, J. Die Wenzels-und Ludmila-legenden und die Echtheit Christians. Praga, 1906.

[2] Vajs, J. Sbornik staroslovanských literárnich památek o sv. Václevu a sv. Ludmile. Praha, 1929; Staroslověnské legendy českého púvodu. Praha, 1975 ; Рогов А.И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. Москва, 1970.

[3] А. Востоков обнаружил в 1827 году текст этого произведения, содержавшийся в списке РГБ, ф.256, № 346, лл. 54—61, конца XV в., (бывшей Румянцевской Библиотеки). См.: Востоков А. Убиение св. Вячеслава, князя Чешскаго // Московский Вестник. Ч. 5. № XVIII, Москва, 1827, с. 84—94. Текст был переиздан в факсимильном издании: Рогов А.И. Сказания о начала Чешского государства... с. 40—52; далее мы будем ссылаться на это издание, указывая страницы в тексте.

[4] Турилов А. Новый список востоковской легенды // Litterae slavicae medii aevi. Franciso Vencesleo Mareš Sexagenario oblatae. Verlag Otto Segner, München, 1985, с.371—77; Он же. Сборник XVII в. с новым списком Востоковской Легенды // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфии. Москва, 1987, с. 56—59.

[5] Востоковское житие по этим спискам было опубликовано: Vajs J. Sbornik staroslovanských literárnich památek... с. 36—43; Ягич И.В. Легенда о св. Вячеславе // Русский филологический вестник. Варшава, 1902, № 3—4.

[6] Издана в FRB, с. 146—166; и в: Monumenta Germaniae historica. Scriptores IV... с. 211—223.

[7] Об этом епископе см.: Büdinger M. Zur Kritik altbohmischer Geschichte Wien, 1857, с. 4.

[8] Никольский Н. Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском переложении. СПб. 1909; далее мы будем ссылаться на это издание, указывая страницы в тексте.

[9] Это сочинение о святом Вячеславе, написанное в Баварии на латинском языке, известно под названием *Crescente fide*. Издано в FRB, с. 183—190.

[10] Издана в FRB, с. 199—227; Ludvikovsky J. Kristianova legenda. Praha, 1978.

[11] Никольский Н. Легенда Мантуанского епископа Гумпольда... с. XXXIX—XL.

[12] Об этом см.: Соболевский А.И. Церковно-славянские тексты моравского происхождения. Варшава, 1900; Он же: К хронологии древнейших церковнославянских памятников // Известия Отделения русского языка и словесности, 1906, Т. X, кн. 2.

[13] Ingham N.W. Genre Characteristics of the Kievian Lives of Princes in Slavic and East European Perspective // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, 1983, vol.II: Literature, Folklore and History. Columbus, Ohio, 1983, pp. 223—237; Королюк

В.Д. Западные славяне и Киевская Русь. М. 1964; Рогов А.И. Великая Моравия в письменности Древней Руси // Великая Моравия ее историческое и культурное значение. Москва, 1985, с. 269—282; Турилов А.А. К истории великоморавского наследия в литературах Южных и Восточных славян // Там же, с. 253—269.

14 Ягич И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886.

15 FRB. Tom II, v Praze 1874, c. 240—269, c. 251.

16 Revelli G. Литературные памятники о Борисе и Глебе. Monumenti letterari su Boris e Gleb. Genova, 1993, c. 206. Дальше все литературные произведения о Борисе и Глебе будут цитироваться по этому изданию; страница издания указана в тексте.

17 Čiževskyj D. Anklänge an die Gumpolds-legende de hl.Václav in der altruss. Legende des hl. Feodosij und das Problem der Originalität der slavischen mittel-alterlichen Werke // Wiener Slavistiches Jarbuch, I, 1950, c.91—97.

18 Гудзий Н.К. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы // Литература Киевской Руси и украинское литературное единение XVII—XVIII веков. Киев, 1989, с. 88—90.

19 Никольский Н. Легенда Мантуанского епископа Гумпольда... с. Л.

20 Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, с. 45—65.

21 Об этом понятии см.: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979, 3-е изд., с. 80—129.

22 Revelli G. La Leggenda di san Venceslao e lo Skazanie o Borise i Glebe: alcune considerazioni sui rapporti agiografici medioevali, ... pp. 218—220; Те же самые повествовательные константы можно выделить и в «Сказание об ослеплении князя Василька Теребовльского», в Ипатьевской летописи. Об этом произведении см.: Рогов А.И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности... с. 29—30.

24 Житие Александра Невского. *Подготовка текста, перевод и комментарий В.И.Охотниковой* // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981, с. 426—440; Далее мы будем ссылаться на это издание, указывая страницу в тексте.

25 Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича. *Подготовка текста, перевод и комментарии М.А.Салминой* // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981, с. 208—230.

26 Рогов А.И. Сказания о начале... с. 40—41.

27 Delehaye, H. Les Passions des martyrs et les genres littéraires. Bruxelles, Societé des Bollandistes, 1921; Graus, F. Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger. Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit. Praha, 1965.

28 О значении внешней красоты в древнейших славянских агиографических произведениях см.: Демин А.С. Эстетическое сходство древнейших славянских литератур X—XII вв. (в изображении внешности человека) // Славянские литературы. X международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988, с. 20—33.

[29] Revelli G. Boris e Gleb, due protagonisti di medioevo russo. Abano Terme, 1987, c. XL–XLI.

[30] Tobacco, G. Agiografia e demonologia come strumenti ideologici in età carolingia. // Santi e demoni nell'alto medioevo occidentale (sec. V–XI), Spoleto, 1989, p. 121–153.

[31] Это понятие часто встречается в *Сказании о Борисе и Глебе* и в *Повести временных лет*.

[32] Об этом см.: Пропп В. Морфология сказки. Л., 1928; Шкловский В. О теории прозы. М., 1983, сс. 34–62; Лихачев Д.С. Поэтика художественного времени. // Поэтика древнерусской литературы... с. 209–298.

[33] Об этой теме см.: Ревелли, Дж. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского. // Русское подвижничество. М., 1996, с. 136–148.

[34] По всей вероятности, источником этого чуда надо считать *Житие Алексия, человека божия*, где описывается то же самое чудо после кончины святого. Об этом см.: Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). М., 1915, с. 190; Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века. Слово о погибели русской земли. М.—Л., 1965, с. 64.

[35] Эта версия не подтверждается в других легендах и лишена всякого исторического обоснования. Болеслав I умер в 967 г., его заменил сын Болеслав II: FRB, Том II, с. 34–35.

[36] Цитируется текст редакции, составленной псковским пресвитером Василием: Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития... Приложение, с. 137.